

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА И ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

Философский факультет

На правах рукописи

И. В. ВИШЕВ

СОЦИАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫЙ СМЫСЛ
ДЕСЯТИ БИБЛЕЙСКИХ ЗАПОВЕДЕЙ

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель —
старший научный сотрудник
АНИСИМОВ С. Ф.

Москва — 1963

А 4

302684

Центральный научный
Б БЛ ОТЕКА
Академии наук Казахской ССР

Формирование нового человека — строителя и гражданина коммунистического общества — является одной из главных задач развернутого строительства коммунизма. Существенная ее сторона — атеистическое воспитание трудящихся, поскольку, как указывает июньский Пленум КПСС (1963 г.), формирование научного мировоззрения и коммунистической морали невозможно без преодоления влияния религиозной идеологии, которой необходимо противопоставить боевую и наступательную научно-атеистическую пропаганду.¹

Одной из особенностей антирелигиозной пропаганды в современных условиях является усиление борьбы с религией, как главным противником научного мировоззрения внутри нашей страны, в области нравственности. Актуальная задача в этой области — критический анализ десяти библейских заповедей (так называемого десятисловия), в частности, их действительного социально-нравственного смысла. Практика показывает, что в решении этого вопроса встречаются трудности, которые нередко порождают ошибочные взгляды, например, отрицание наличия в этих заповедях религиозного содержания, объявление их простыми нормами нравственности и т. п.

Указанные заповеди — важная составная часть христианской морали. В своих проповедях богословы и священнослужители придают им первостепенное значение. Они выдают их заданную богом на все времена единственную основу истинной нравственности, порождая тем самым у верующих иллюзии относительно подлинной нравственной ценности религиозной морали. В действительности основные нормы морали были выработаны практикой человеческого общежития в интересах его укрепления и дальнейшего развития. Но, заимствованные религиозной идеологией, они были извращены ею

¹ См. Л. Ф. Ильичев. «Очередные задачи идеологической работы партии». Госполитиздат, 1963 г., стр. 46.

в силу фантастического характера религиозного мировоззрения и эксплуататорской позиции церкви.

Простые нормы нравственности, независимо от религии и вопреки ей, вырабатывались и сохранялись трудящимися классами, постоянно совершенствовались в их борьбе с угнетателями и проявлениями аморализма. Именно эти нормы, а не религиозные заповеди, получили отражение в моральном кодексе строителя коммунизма, принципы которого не совместимы с социально-нравственным смыслом этих заповедей.

Содержание заповедей религиозной морали, в том числе и десятисловия, не оставалось постоянным. Оно изменялось вместе с изменением исторических условий существования религии и церкви. В связи с этим социально-нравственный смысл указанных заповедей рассматривается в диссертации не абстрактно, а конкретно-исторически.

В эволюции социально-нравственного содержания десятисловия можно различить четыре главных периода. Во-первых, социальный смысл заповедей в период их возникновения, т. е. их ветхозаветное содержание. В этот период десятисловие возникло как отражение коренных изменений в социально-экономической структуре древнееврейского общества, вступившего в стадию рабовладельческой формации, в которой жречество занимало господствующее, привилегированное положение. Во-вторых, изменение их интерпретации в Новом Завете, т. е. в христианской религии первых веков ее существования, когда христианство находилось в оппозиции к социальным порядкам, существовавшим в Римской империи. В-третьих, — богословское истолкование заповедей в период существования христианства в качестве господствующей религии, а духовенства — как крупного собственника, тесно связанного с внутренней и внешней политикой сначала феодального, а затем капиталистического государства. Наконец, в-четвертых, современное толкование библейских заповедей христианскими проповедниками в условиях капиталистического общества, в котором религия и церковь оказались вынужденными приспособляться к настроениям простых верующих, поддерживающих внутреннюю и внешнюю политику КПСС и Советского государства, полностью отвечающую интересам трудящихся масс.

В своем исследовании автор опирался на основополагающие указания классиков марксизма-ленинизма, решения съездов КПСС и постановления ЦК партии по идеологическим вопросам.

Диссертация состоит из введения, четырех глав и заключения.

В главе 1 — «Социально-нравственный смысл заповедей богопочитания» — показывается, что из первых четырех заповедей десятисловия, определяющих отношение человека к богу и фактически не имеющих прямого отношения к нравственности, христианское богословие, однако, вывело некоторые следствия нравственного порядка. Именно в аспекте критики подобных богословских выводов и рассматриваются в диссертации указанные заповеди.

Анализ ветхозаветного содержания первой заповеди, требующей поклоняться только богу Яхве, дает основание сделать вывод о том, что она свидетельствует не о монотеизме иудейской религии, как утверждают богословы, а лишь о генотенстической фазе ее эволюции и что эта заповедь была призвана способствовать укреплению культа этого бога в его конкурентной борьбе с другими религиозными культами, существовавшими среди древнееврейских племен. В следующий период своей эволюции первая заповедь приобрела специфическую эмоциональную окраску, что соответствовало общему характеру раннего христианства, как религии по преимуществу внутреннего настроения, а не формального культа.

Для богословского толкования первой заповеди является характерным учение об «особенных должностях» и «грехах», вытекающих из нее, из которых в диссертации рассматриваются требования «познавать бога», «бояться бога» и повиноваться ему, а также христианское осуждение «человеконадения». В диссертации показывается, что как в прошлом, так и в настоящем, подобное толкование преследовало своей целью удержать верующих в рамках христианского вероучения, погасить в них стремление к научным знаниям, приучить переносить безропотно страдания, вызвать неверие в свои силы, воспитать верующих в духе антиколлективизма. По всем указанным вопросам в диссертации излагается точка зрения коммунистической морали и показывается ее несовместимость с религиозной точкой зрения.

В диссертации указывается, что вторая заповедь, запрещающая «идолопоклонство», по своему ветхозаветному смыслу очень близка первой. Христианство внесло в толкование второй заповеди важное дополнение: оно стало понимать под идолопоклонством также блуд, любостяжание и другие пороки, характерные прежде всего для высших слоев римского общества, к которым люди труда питали ненависть. Подобные обличения способствовали популярности нового вероучения. Однако уже с самого начала христианство показало свою беспомощность в борьбе с пороками. Анализ «грехов»

против этой заповеди, сформулированных христианским богословием, показывает, что и в прошлом, и в настоящем отношение христианства к различным порокам было чрезвычайно противоречивым и потому не могло способствовать их искоренению, что проповедники религии постоянно стремились заглушить у людей чувство человеческого достоинства, вызвать у них презрение к самим себе, оградить священнослужителей от какой бы то ни было критики верующими их образа жизни.

Религиозному решению всех этих вопросов в диссертации противопоставляется их решение коммунистической этикой и показывается несовместимость этих решений.

Третья заповедь, запрещающая произносить имя бога напрасно, была порождена, как показывается в диссертации, суеверным страхом людей перед непонятными явлениями природы и являлась элементом возникшей на этой почве древней магии. В диссертации подчеркивается, что в рабовладельческом обществе провозглашение этой заповеди преследовало цель повысить ответственность людей перед клятвой именем бога, укрепить божественный авторитет, что отвечало интересам эксплуататорских классов и жречества. В отношении изменения интерпретации третьей заповеди в раннем христианстве в диссертации отмечается запрещение клятвы вообще, требование, причины которого лежали в некоторых особенностях социального положения раннехристианских общин.

В связи с рассмотрением богословского толкования третьей заповеди раскрывается классово-эксплуататорское содержание церковного истолкования «грехов» против нее; богохульства, ложной клятвы и клятвопреступления. В диссертации показывается, что вместе с третьей заповедью в современное христианство был перенесен и породивший ее суеверный страх, в духе которого проповедники религиозной морали стремятся воспитывать людей. В связи с этим указывается на антиобщественный характер религиозной позиции и лишь в некоторых случаях на ее, по крайней мере, бесполезность.

Провозглашение четвертой заповеди, требующей посвящать субботу богу, как показано в диссертации, преследовало цель усилить контроль и влияние жречества на трудящиеся массы, а не обеспечить отдых людям труда, как утверждают церковники. В раннем христианстве эта заповедь подверглась существенному пересмотру, что явилось выражением общего для первых христиан отрицательного отношения к религиозному культу старых религий. Впоследствии

четвертая заповедь по существу была полностью упразднена, т. к. суббота в большинстве христианских направлений была заменена воскресеньем. Однако христианское богословие не упразднило эту заповедь, дав ей дополнительное толкование, в частности связав с ней требование соблюдать посты и религиозные праздники. В диссертации показывается, что вопреки представлениям верующих посты не являются проявлением заботы церкви о здоровье. В действительности усердное пощение ведет к истощению физических и духовных сил человека, понижает его жизненный тонус, порождает в нем чувство беспомощности и апатии, что создает благоприятные условия для внедрения в сознание этого человека вероучительных и нравственных идей христианской религии. Та же цель преследуется и требованием соблюдения религиозных праздников. Истинную заботу об отдыхе и здоровье всех трудящихся проявляют Коммунистическая партия Советского Союза и Советское государство, проводящие с этой целью широкие и разнообразные мероприятия.

Во II главе диссертации — «Проблема собственности и социального неравенства в библейских заповедях» — анализируются восьмая заповедь, запрещающая кражу, и десятая заповедь: «не желай жены ближнего твоего, (ни поля его), ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, (ни всякого скота его,) ничего, что у ближнего твоего». В диссертации показывается, что эти заповеди возникли вместе с правом частной собственности, что подтверждается анализом моисеева законодательства. Классовый характер указанных заповедей раскрывается в диссертационной работе на примере обеспечения этим законодательством сохранения и увеличения собственности служителей культа, освящения рабства и т. п. Вместе с тем в диссертации подчеркивается ограниченный характер провозглашенных запретов, свидетельством чему является, например, разрешение ограбления покоряемых народов, ростовщических сделок с чужеземцами и т. п. Здесь же отмечается различие в содержании анализируемых заповедей и простых норм нравственности, касающихся охраны личного имущества.

В период раннего христианства рассматриваемые заповеди фактически утратили свой первоначальный юридический характер и стали рассматриваться по преимуществу как требования религиозно-нравственного порядка. Подобный подход характерен по отношению ко всем вопросам, связанным с содержанием этих заповедей, таких как отношение к богатству и нищете, общности имущества, труду, рабству, понимание равенства и др. В диссертации отмечается, что нигде

в Новом завете имущественное неравенство не осуждается как очевидный факт социальной несправедливости. Все христианские обличения богатства и богатых сводились лишь к обвинению последних в злоупотреблении своим положением и к объявлению обладания богатством препятствием к достижению главной цели человека — царства божия. В отношении сведений о наличии общности имущества в первых христианских общинах отмечается, что они не являются свидетельством глубокого понимания первыми христианами всего социального значения этого явления и что эта общность, как указывает Ф. Энгельс, скорее объясняется сплоченностью людей, подвергавшихся гонениям, чем действительными представлениями о равенстве.¹ Что же касается самого христианского понимания равенства, то оно сводилось лишь к признанию равенства людей, как грешников, перед богом при отрицании реального их равенства. Анализ таких новозаветных высказываний, как «не трудящийся, да не ест», показывает, что они использовались в новозаветных текстах в весьма узком смысле регулирования отношений между странствующими апостолами и верующими — общинниками и, следовательно, не обладали тем обобщающим характером, который им приписывается современными церковными проповедниками. Отмечается также противоречивость христианского отношения к труду, обусловленная неоднородностью социального состава первых последователей новой религии.

С превращением христианства из религии гонимых в государственную религию эксплуататорского общества духовенство превратилось в привилегированное сословие эксплуататорского государства. Это предопределило его отношение к частной собственности и эксплуатации человека человеком. В этих условиях толкования десятилетия приняло характер преднамеренного мероприятия, имевшего целью создать систему взглядов, способствующую сохранению господствовавшего в антагонистических формациях права частной собственности. Оно шло в трех основных направлениях: 1) церковники старались доказать, что распределение богатств определяется божественной волей; 2) они осуждали не имущественное неравенство, а «неправильное», с их точки зрения, использование богатства; 3) христианские богословы стремились внушить угнетенным массам мысль о существовании определенной компенсации за бедность, имеющей будто бы несравненно большее значение, чем обладание богатством, даже при условии его справедливого использования; а имен-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, Госполитиздат, 1961, стр. 105.

но: человек, не отягощенный богатством и заботой о нем, имеет большую возможность подготовиться к загробной жизни. Будучи крупным собственником, церковь принимала непосредственное участие в эксплуатации труда крепостных крестьян и пролетариев. Христианство призывало трудящиеся массы быть «довольными своим жребием», а богатых — им «благодетельствовать». В диссертации подвергается критике предлагаемый христианским богословием «совершенный способ» исполнения восьмой и десятой заповедей — «совершенное нестяжание» или отречение от всякой собственности, раскрывается ханжеский и лицемерный характер подобного поучения и делается вывод о том, что богословская интерпретация восьмой и десятой заповедей не только не служила интересам трудящихся масс, но, наоборот, способствовала укреплению господства частной собственности, а, следовательно, обогащению одних и обнищанию других.

В условиях социалистического общества церковные проповедники обычно избегают затрагивать все эти социальные вопросы, поскольку их религиозное решение в корне противоречит интересам трудящихся в их борьбе за социализм и коммунизм. Примеры из жизни различных христианских направлений показывают, что христианское вероучение не способствует ликвидации стяжательства во всех его формах и проявлениях, а лишь препятствует решению этой проблемы. Преодоление частнособственнических устремлений возможно лишь на пути коммунистического строительства, и прежде всего благодаря созданию материально-технической базы коммунизма и воспитанию у трудящихся коммунистического отношения к труду и общественной собственности. Проявления стяжательства, еще встречающиеся в условиях социалистического общества как отвратительные пережитки прошлого, сурово караются советскими законами, осуждаются общественным мнением. Это осуждение не нуждается ни в каком религиозном подкреплении.

В главе III диссертации — «Библейские заповеди о семье и браке» — рассматриваются пятая заповедь, требующая почитания родителей, седьмая, запрещающая прелюбодеяние, и часть десятой заповеди: «не пожелай жены ближнего твоего».

Анализ пятой заповеди показывает, что она была призвана прежде всего освятить и укрепить родительский деспотизм, как одно из проявлений господствующего в обществе социального неравенства. В моисеевом законодательстве говорится лишь об обязанностях детей перед родителями, но нет ни

слова об обязанностях родителей перед детьми, оно позволяло отцу продавать своих детей в рабство, выбирать им мужа или жену, наказывать смертью непокорных детей и т. п. Полная зависимость членов семьи от воли ее главы, их неравное положение при наследовании отцовского имущества, усугубленные религиозными представлениями и традициями, с необходимостью должны были порождать и порождали аморальные поступки людей, налагавшие свою печать на семейные отношения. В диссертации подчеркивается, что подлинным ключом к правильному пониманию смысла пятой заповеди является следующее требование моисеева законодательства: бояся каждый матери своей и отца своего.

На характер взаимоотношений родителей и детей в период раннего христианства определенное влияние оказало ослабление имущественной зависимости последних от первых, поскольку первые христианские общины состояли в основном из неимущих. Однако, несмотря на это, как показывается в диссертации, христианство сохранило требование безусловного подчинения детей воле родителей, лишь перенеся его обоснование из сферы материальной в сферу идеологическую. Главная особенность христианского подхода к пятой заповеди выразилась в том, что новое вероучение и мораль со всей определенностью подчеркнули приоритет религиозно-родственных отношений над отношениями житейско-родственными вопреки интересам подлинного упрочения семейных отношений.

Если в период раннего христианства проповедники новой религии не заботились о вопросах наследования имущества и т. п. то на следующем этапе истории христианства положение коренным образом изменилось: церковь встала на защиту прав собственника, Освящение имущественной зависимости детей от родителей и на этой основе безоговорочное подчинение первых воле последних оказали самое отрицательное влияние на семейные отношения. С особенной силой реакционность богословского толкования пятой заповеди раскрывается в связи с распространением понятия «родителей» на царя, чиновничество и духовенство.

В диссертации показывается, что как в прошлом, так и в настоящее время проповедники христианской морали подходят к воспитанию у младшего поколения чувства уважения к старшим с точки зрения соблюдения интересов религии и церкви, ставят успех этого воспитания в зависимость от приверженности человека ложной идее бога, чем не способствуют, а лишь затрудняют действительное решение данного вопроса.

Опираясь на требования Библии, христианские проповедники настаивают на религиозном воспитании детей, что всегда, а особенно теперь, приносило огромный вред. Такое воспитание ограничивает духовное развитие детей, заставляет их жить двойственной жизнью и приводит к другим самым отрицательным последствиям. В диссертации показывается, что верность догматам, религиозная софистика служат оправданию аморальных поступков людей: и родителей, и детей.

Все сказанное дает основание сделать вывод о том, что пятая заповедь библейского десятизакония, благодаря ее религиозному содержанию, не могла и не может служить улучшению отношений между детьми и родителями, между младшим и старшим поколениями.

Анализ моисеева законодательства в связи с раскрытием содержания седьмой и соответствующей части десятой заповедей показывает, что женщина занимала неравноправное положение с мужчиной в еврейском обществе. Это иллюстрируется библейской оценкой женщины, правилами об «очищении», а также неравным правом женщины и мужчины при наследовании отцовского имущества. Неравноправное положение женщины в семье и обществе явилось решающей причиной того обстоятельства, что моногамия оказалась моногамией только для нее. На это указывает имеющийся в Библии закон ревнования, касающийся только женщины, разрешение многоженства и запрещение многомужества и т. п. В диссертации показывается, что, объявляя прелюбодеянием, наказуемым смертью, половую связь мужчины с замужней или обрученной женщиной, моисеево законодательство фактически преследовало лишь цель обеспечить право мужчины на женщину, как собственника на свою личную или будущую собственность. Еще более бесправным было положение женщины-рабыни.

Таким образом, в требование чистоты брачных отношений, в запрещении «прелюбодеяния» библейское законодательство вложило такой социально-нравственный смысл, который не имел ничего общего с содержанием соответствующих простых норм нравственности.

Христианство внесло в заповеди касающиеся положения женщины, брака и семьи, ряд дополнений. Прежде всего это выразилось в запрещении развода (кроме вины любодеяния), а также в неоднократном подчеркивании предпочтительности безбрачия перед брачным состоянием. Подобный подход к данному вопросу явился частным выражением общего отношения первых христиан к любым, даже самым чистым, возвышенным радостям жизни, т. к. отрешение от них казалось

им верным средством заслужить «спасение». Вместе с этим христианство оставило в силе неравноправие женщины. В этих условиях теряли серьезное практическое значение призывы к любви между супругами.

На следующем этапе истории христианства положение женщины еще более ухудшилось, поскольку усилилась ее экономическая зависимость от отца или от мужа, что было санкционировано и церковью. Взамен она предлагала ей до конца и безропотно нести свой тяжкий крест, сковывая тем самым силу женского протеста.

В диссертации показывается, что цели брака и пути их осуществления обосновываются современными богословами непрерывными ссылками на Библию. Но архаичная библейская мораль не может служить основанием для создания крепкой и здоровой семьи, особенно в настоящее время. Поэтому в условиях социализма проповедники христианства не отстаивают открыто неравноправность женщины и даже стремятся как-то смягчить библейский взгляд на нее. Однако все эти попытки приспособления не могут изменить существа рабовладельческой библейской морали, которое невозможно замаскировать никакими оговорками и иносказаниями.

В диссертации раскрывается противоположный характер решения религиозной и коммунистической моралью важнейших проблем семейно-брачных отношений и делается вывод о том, что рассмотренные в этой главе заповеди, благодаря содержанию, вложенному в них религией, являются неприемлемыми для коммунистической морали.

В главе IV — «Христианский гуманизм в свете библейских заповедей» — рассматриваются заповедь «не убивай», заповедь о всеобщей любви, которую христианское богословие связывает с шестой заповедью, а также девятая заповедь, запрещающая ложное свидетельство.

В диссертации показывается, что, провозглашая шестую заповедь, Моисеево законодательство, будучи законодательством эксплуататорского государства, в то же время фактически оправдывало кровопролитие и захватнические войны, порабощение и уничтожение целых народов. Все это указывает на неправомерность отношения к этой заповеди как к установлению, утверждающему гуманизм и справедливость. Заповедь «не убивай» у древних евреев преследовала весьма узкую цель ограничения обычая кровной мести внутри племени. На это указывает искусственность введения принципа кровной мести в библейское законодательство и специфичность его трактовки, а также неоднократно встречающиеся ограниче-

ния этого принципа, например, постановления о городах-убежищах.

Для раннехристианского переистолкования шестой заповеди показательным является уход в узкую область личных человеческих взаимоотношений, попытка как-то упорядочить их, например, осуждением «гневающихся».

В диссертации отмечается противоречивость новозаветного толкования заповеди «не убивай» в отношении вопроса о мире. В связи с христианской интерпретацией шестой заповеди излагаются идеи христианского непротивленчества, явившиеся существенной составной частью общего отношения пассивного христианского мессианизма к существовавшим в то время социальным порядкам. При этом отмечается, что само это непротивленчество имело в раннем христианстве различные оттенки. Провозглашенная в известной Нагорной проповеди идея всеобщей любви явилась порождением пассивного христианского мессианизма, рассматривавшего обостряющуюся классовую борьбу как борьбу между пороком и добродетелью, любовью и ненавистью, верой истинной и верой ложной и т. п., а не как борьбу трудящихся с эксплуататорами. Естественно, что такая проповедь не могла иметь никаких положительных, практически осуществимых социальных последствий и лишь препятствовала достижению трудящимися успеха в их классовой борьбе.

Вместе с тем в диссертации отмечается и то обстоятельство, что уже с самого начала, как показывают новозаветные разъяснения смысла христианской любви, она приняла ханжеский и лицемерный характер и не имела ничего общего с принципами подлинного гуманизма, что подтверждается также и провозглашением новой религией нетерпимого отношения к инакомыслию.

Заповедь «не убей» и призыв новой религии ко всеобщей любви, внешне звучавшие гуманно, сыграли однако в жизни человеческого общества реакционную, антигуманную роль, что с особенной силой проявилось на следующем этапе эволюции христианской религии, когда христианская идеология и ее проповедники оказались тесно связанными с внешней и внутренней политикой эксплуататорского государства. Для этого периода характерно не буквальное, двусмысленное толкование шестой заповеди, что превращало ее в гибкое орудие церкви и государственной власти, направленное против интересов эксплуатируемых, ибо именно церковь и государственная власть получили право судить о том, в каком случае имеет место нарушение заповеди «не убивай», а в каком нет, следовательно, могли использовать это право в своих собст-

венных интересах. Для небуквального толкования этой заповеди в указанный период характерно оправдание войн, развязываемых господствующими классами в своих интересах. Усилилась в этот период и христианская нетерпимость к инакомыслию, которая проявлялась в преследовании как прямых противников религии, так и представителей других христианских направлений. В диссертации указывается также на закономерное следствие, вытекающее из христианского отношения к инакомыслию, а именно — усугубление национальной вражды, т. к. нередко те или иные враждующие христианские направления оказывались локализованными в определенных национальных границах.

Что же касается проповеди христианством всеобщей любви в период его существования в качестве господствующей религии, то она, как показывает диссертация, на практике служила лишь интересам эксплуататорских классов.

В условиях социалистического общества церковники, вынужденные приспособляться к внешней и внутренней политике Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства, поддерживаемой всем народом, в том числе и большинством верующих, выступают в защиту мира, осуждают агрессивные войны и т. п. При всем том марксисты-ленинцы не могут изменить своего отношения к христианскому вероучению как мировоззрению, антинаучность которого проявляется, в частности, в религиозно-идеалистическом понимании причин войн и путей их ликвидации. В диссертации показывается, что для отношения современного христианства к инакомыслию характерно стремление церковников отмежеваться от своего прошлого, не останавливаясь и перед прямой фальсификацией истории, представить его в новом свете. Однако соответствующие примеры раскрывают всю несостоятельность этой позиции. Подобный вывод делается и в отношении попыток современного христианства представить свое вероучение как основу для установления подлинной дружбы между народами. В отношении христианской проповеди всеобщей любви в диссертации раскрывается ее нереалистичность и отрицательная роль в современных условиях, что неизбежно порождает лицемерие и ханжество ее сторонников.

Как одно из конкретных выражений заповеди о любви христианские богословы пытаются истолковывать и девятую заповедь.

Однако в период своего возникновения девятая заповедь, как показывает анализ Моисеева законодательства, имела преимущество юридический характер и была призвана защи-

тить интересы эксплуататорского меньшинства. В связи с этим подчеркивается лицемерный характер церковных призывов к искренности между людьми, к соблюдению справедливости, ибо там, где сталкиваются классовые интересы, как показывает исторический опыт, всегда имели место две правды, две справедливости, и верх оказывался на стороне тех, в чьих руках находились власть и сила. Простые нормы нравственности, бытовавшие среди людей труда и требовавшие правдивости в человеческих взаимоотношениях, извращались и попирались в условиях эксплуататорского государства и поэтому имели ограниченные возможности для своего практического воплощения.

В период раннего христианства девятая заповедь утратила свой прежний юридический характер благодаря оппозиционному положению первых христиан к существующим общественным порядкам. Взгляд на эту заповедь в Новом завете излагается прежде всего в связи с защитой нового вероучения и морали от нападок противников и непоследовательных приверженцев христианства.

В следующий период эволюции десятилетия, девятая заповедь в значительной степени восстановила свое первоначальное значение. В диссертации раскрывается классовый, антинародный характер этой заповеди, что выразилось, в частности, в запрещении простым людям обличать социальные и нравственные пороки эксплуататорского строя.

В настоящее время проповедники христианской морали пытаются истолковывать эту заповедь как требование искренности в человеческих взаимоотношениях, бережного отношения к добру имени человека и т. п. В диссертации отмечается, что в подобном толковании заповеди наглядно проявляется новая тактика защитников религии — максимально использовать в своих проповедях те нормы морали, которые фактически являются ничем иным, как простыми нормами нравственности и, выдавая их за предписания религиозной морали, поддерживать тем самым у верующих иллюзии относительно нравственной ценности религии. Призывая к искренности в отношениях между людьми, христианские богословы в то же время ссылкой на неискоренимость греховности человека исключают возможность реализации своих призывов, сводя их тем самым на нет.

В диссертации выясняется противоположный характер основных целей христианского и коммунистического гуманизма и средств его осуществления, что является одной из важнейших причин бессилия христианской религии и выдающихся успехов научно-материалистического мировоззрения в реше-

нии важнейших проблем современности. Именно научность и революционность марксистско-ленинской теории позволяет ей вести трудящиеся массы по единственно верному пути построения общества, в котором восторжествует мир, труд, свобода, равенство, братство и счастье всех народов. В диссертации подчеркивается, что расцвет подлинно гуманистических отношений между людьми, создание необходимых условий для формирования нового человека — строителя и гражданина коммунистического общества — составляет одно из важнейших достижений революционного преобразования общества под знаменем марксизма-ленинизма. Подобные успехи были бы невозможны, если бы трудящиеся массы в своей деятельности руководствовались заповедями религиозной морали, вследствие чего эти заповеди, в их религиозном содержании, и оказались неприемлемыми для морали коммунистической.

В заключительной части диссертации приводится известная характеристика социальных принципов христианства, данная К. Марксом¹⁾, и показывается, что она фактически остается справедливой и для современного христианства, в частности, для социально-нравственного смысла библейских заповедей. Эти заповеди никогда не могли служить действенным руководством для нравственного поведения людей, благодаря чему стремление к их соблюдению нередко прямо содействовало совершению аморальных поступков последователями религии, опустошало их внутреннюю жизнь. В связи с этим подчеркивается то обстоятельство, что и в период господства религиозной идеологии факторами, определявшими нравственные поступки людей, являлись требования жизни, сила общественного мнения, а не религиозная идеология сама по себе, что поэтому неправильно было бы говорить о какой-то исключительной роли христианской морали в нравственном прогрессе общества. Поэтому является ошибочным мнение, согласно которому в христианской морали, и в частности в библейских заповедях, будто бы имеются некие положительные моменты, обусловленные именно тем, что эта мораль — религиозная.

Задача заключается в том, чтобы разъяснить верующим действительный социально-нравственный смысл библейского десятизавещания, используя для этого различные формы атеистической пропаганды, но особенно большое внимание необходимо уделять разъяснению смысла и роли библейских заповедей в индивидуальной работе с верующими, во время которой с особенной тщательностью надо учитывать степень религиозно-

¹⁾ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, Госполитиздат, 1955 г., стр. 205—206.

сти данного верующего, условия его жизни и интересы. Именно исходя из этих конкретных условий, атеист должен строить свою деятельность, опираясь при этом на основополагающие положения научно-материалистического мировоззрения.

Основное содержание настоящей диссертации изложено в брошюре: И. В. Вишев, «Почему коммунисты отвергают христианскую мораль», Челябинское книжное издательство, 1963 год, 4 печатных листа.

